

И пришел к нему Ярослав Мудрый...

АВТОПОРТРЕТ

Погостить вместе с автором в семье детей и внуков легендарного командарма Первой конной армии Семена Буденного, проникнуться к гостю белой завистью, когда ему разрешат поддержать одну из любимых сабель маршала. В кабинете высокого литчиновника Сергея Михалкова поболеть за судьбу нового журнала «Русь», когда упрямый ходок из Ростова Великого будет пробивать деньги на его регистрацию. Поприсутствовать во время долгого спора о личности вождя крестьянского восстания Болотникова с участием самого Василия Белова...

Все это сразу станет возможным, как только мы откроем изданный в Ярославле дневник писателя Валерия Замыслова «Через шипы и тернии». В книге подробно обрисованы некоторые шумные, а теперь совсем почти забытые перипетии общественной и литературной жизни Ярославского края времен перестройки и более поздних – к примеру, явление спущенного сверху одиозного проекта осушения с помощью польдерных плотин части озера Неро.

В дневнике мелькают лица партфункционеров и книжных редакторов, ярославских и столичных коллег Замыслова, врачей и журналистов (в том числе и нашего «Северного»). Обстоятельнее освещает писатель

свои встречи с земляком, всегдагдаем Дома творчества в Коктебеле, поэтом Львом Ошаниным, асами кардиохирургии Евгением Чазовым и Ренатом Акчуриным. Есть и любопытные подробности общения Замыслова с ярославским губернатором Анатолием Лисицыным, давним читателем его книг.

Рискнул автор дневника пустить нас и на свою литературную кухню, раскрывая некоторые детали таинства «погружения в старинушку» («Сажусь в кресло, закрываю глаза и начинаю «уходить» из XX века»), вплоть до хлебного мякиша, которым писатель затыкал уши от уличного шума. Редкостному дару исторического романиста из Ростова оживлять былое сво-

ей фантазией его читатели не раз отдавали должное, и как не поверить им удивительным признаниям автора дневника. Скажем, тому, что две первые книги романа «Иван Болотников» были написаны «по мотивам» одной-единственной строки из биографии героя: «В молодости Иван Болотников был холопом князя Андрея Телятьевского, а затем бежал в Дикое поле».

Много поводов для размышлений о неисповедимых путях писательских дает и вещей сон романиста с явлением ему собственной персоной... князя Ярослава Мудрого. «Потрудись в поте лица своего, – наказывает гость из далекого прошлого, – восслав святую Русь...» Такто. А вообще под настроение любит, любит Замыслов поступать себя в грудь кулаком – мол, ай да я, слегка попозиловать, козырнуть умением «добыть, пробить, прорваться», упертость в борьбе против «завистников и недоброжелателей» – без всего этого он, боец по натуре и великий труженик, право же, не был бы самим собой.

В дневнике «Через шипы и тернии» разнообразной суеты сует тоже в достатке. Но зато уж и автопортрет получился предельно близким к прототипу.

Всеволод ЛЕЖНЕВСКИЙ.